18+

АЛЕКСАНДР ОСИПОВ

ЧУЖАЯ КРОВЬ

РОДНОЕ СЕРДЦЕ

Александр Осипов

Чужая кровь, родное сердце

«Издательские решения»

Осипов А.

Чужая кровь, родное сердце / А. Осипов — «Издательские решения»,

Вьюжной ноябрьской ночью в провинциальном роддоме Приозерска вспыхивает пожар. В суматохе у двоих новорождённых мальчиков развязываются бирки, и перепуганная акушерка завязывает их наугад.Пятнадцать лет спустя медсестра Вера Савинова узнаёт страшную правду: её любимый сын Артём тяжело болен, ему срочно нужна пересадка костного мозга, а по анализам они — чужие. Спасти мальчика может только его родной брат Максим, выросший в чужой семье.

© Осипов А.
© Издательские решения

Содержание

Александр Осипов 6
ЧУЖАЯ КРОВЬ, РОДНОЕ СЕРДЦЕ 7
ОГЛАВЛЕНИЕ 8
Глава 1. Ночь, когда погас свет 9
Глава 2. Чужая группа крови 11
Глава 3. Письмо из прошлого 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Чужая кровь, родное сердце

Александр Осипов

© Александр Осипов, 2026

ISBN 978-5-0071-7895-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Осипов

ЧУЖАЯ КРОВЬ, РОДНОЕ СЕРДЦЕ
Психологическая семейная драма

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Ночь, когда погас свет
Глава 2. Чужая группа крови
Глава 3. Письмо из прошлого
Глава 4. Два мира
Глава 5. Цена спасения
Глава 6. Незнакомый брат
Глава 7. Стопроцентное совпадение
Глава 8. Четыре дня до рассвета
Глава 9. Ночь перед пересадкой
Глава 10. Кровь и жизнь
Глава 11. Новое утро
Глава 12. Родное сердце

Глава 1. Ночь, когда погас свет

В старых провинциальных роддомах время течёт иначе — медленнее, гуще, словно вязкий ноябрьский туман за окнами облупленного трёхэтажного корпуса на окраине Приозерска. Здесь по ночам пахнет хлоркой, дешёвым детским мылом, мокрой штукатуркой и чужими молитвами, которые женщины шепчут в подушку, прислушиваясь к каждому шороху в коридоре.

В ночь на семнадцатое ноября две тысячи одиннадцатого года ветер с реки рвал жестяные отливы так, будто пытался сорвать с крыши старое железо. На улице валил мокрый снег с дождём, провода гудели, и в два часа ночи старая городская подстанция не выдержала.

Свет в послеродовом отделении мигнул дважды и погас.

Акушерка Нина Павловна, женщина пятидесяти шести лет с тяжёлыми, натруженными руками и привычкой держать спину прямо даже на исходе вторых суток дежурства, замерла у поста с журналом назначений. В ту же секунду из подвального крыла, где располагалась старая щитовая и склад ветоши, потянул едкий, горький запах горящей изоляции.

— Девчонки, аварийные фонари! Быстро! — крикнула она санитарке Люсе, которая дремала на кушетке у ординаторской. — Щитовая замкнула, дым тянет в коридор!

В темноте сразу завыли сирены автономных датчиков, но старая проводка трещала так зло, что через минуту из вентиляционной решётки у детской комнаты повалил плотный серый дым. В палатах закричали женщины. Младенцы, словно почуяв общий взрослый страх, зашлись тонким, разрывающим душу плачем.

В отделении в ту ночь лежали всего две роженицы, родившие с разницей в сорок минут. В третьей палате — двадцатичетырёхлетняя Вера Савинова, бледная, исхудавшая медсестра из районной поликлиники, у которой роды шли тяжело и долго. В отдельной, платной палате в конце коридора — Елена Корнеева, двадцатишестилетняя жена молодого, но уже влиятельного областного застройщика, которую привезли сюда случайно: машина застряла в снежной каше на трассе, и до перинатального центра в области они просто не успели доехать.

Нина Павловна кинулась в детскую. Дым уже стелился по полу, разъедая глаза. В кювезах, укутанные в одинаковые байковые пелёнки, надрывались двое мальчиков. На крошечных запястьях у каждого была привязана клеёнчатая бирка с фамилией матери — но в густом полумраке, подсвеченном только красным миганием аварийной лампы, разглядеть чернильные буквы было невозможно.

— Люся, бери первого! Я второго! В флигель, в приёмный покой, там вентиляция отдельная! — скомандовала Нина Павловна, прижимая к груди тёплый, кричащий свёрток.

Они бежали по задымлённому коридору, спотыкаясь о чьи-то сумки, задыхаясь от гари. В приёмном покое, куда через десять минут примчались пожарные и две бригады скорой помощи, творился настоящий ад: кричали врачи, плакали перепуганные роженицы, гудели моторы машин под окнами.

Нина Павловна передала мальчиков детским сёстрам, а сама бросилась помогать выводить женщин. И только под утро, когда пожар в щитовой залили, окна распахнули настежь, впуская ледяной ноябрьский воздух, а в отделение наконец дали свет, старая акушерка зашла в смотровую — и похолодела.

На столике для пеленания, рядом с пустыми бутылочками, лежали две оторвавшиеся клеёнчатые бирки. В суматохе, когда детей перекладывали из рук в руки в дыму, тонкие тесёмки развязались и соскользнули с крошечных запястий.

Нина Павловна сжимала эти две полоски клеёнки в дрожащих пальцах, глядя на двух совершенно одинаковых сопящих младенцев в соседних кроватках. У одного на левом плечике

виднелось крошечное светлое родимое пятнышко, у второго — пушистый вихор на макушке. Кто из них чей? Кого она вынесла первой, а кого принесла санитарка Люся?

— Нина Павловна, там за Корнеевой муж приехал на джипе! С частным педиатром, требуют выписку под расписку, забирают ребёнка в областную клинику! — крикнула из коридора старшая медсестра.

В ту секунду у старой акушерки был выбор: упасть в ноги, признаться при главврач и разгневанном муже Елены, что бирки перепутались, поднять на уши всю больницу и дождаться анализа крови. Но перед глазами встала больная мать на руках, грозный взгляд Корнеева, который уже кричал в приёмном покое, что «засудит весь этот барак к чёртовой матери», и страх — липкий, парализующий страх перед тюрьмой и позором.

Нина Павловна молча завязала бирку с фамилией «Корнеева» на ручке мальчика с пушистым вихром, а бирку «Савинова» — на ручке малыша с родимым пятнышком на плече.

Она думала, что спасает себя. Она ещё не знала, что в ту ночь навсегда перекроила четыре человеческие жизни.

* * *

Пятнадцать лет спустя ноябрь в Приозерске выдался таким же сырым и промозглым, но в маленькой двухкомнатной квартире на четвёртом этаже панельной пятиэтажки всегда пахло тёплым хлебом и корицей.

Вера Савинова стояла у плиты в выцветшем, но идеально отглаженном халате и переворачивала на сковороде сырники. Ей было тридцать девять. Тонкие морщинки у глаз делали её лицо не старым, а каким-то удивительно светлым и живым, хотя последние три года — после того как мужа не стало из-за оторвавшегося тромба — она тянула дом, огород и ночные смены на скорой помощи в одиночку.

— Мам, я рубашку погладил, проверь воротник, а то я опять криво заглажу! — из комнаты выглянул пятнадцатилетний Артём — высокий, худощавый парень с открытым, честным взглядом и той самой привычкой чуть щуриться, когда он улыбался.

— Иду, сын, сейчас дожарю, — улыбнулась Вера, вытирая руки о полотенце. — Ты шарф не забудь, на улице ветер ледяной. И после физкультуры сразу куртку застёгивай, понял?

— Мам, мне пятнадцать, а не пять, — беззлобно фыркнул Артём, но тут же подошёл, обнял её за плечи и чмокнул в висок. — Спасибо за сырники. Я сегодня после уроков заскочу на рынок, картошки принесу, чтобы ты тяжести не таскала.

Вера прижалась щекой к его плечу, чувствуя, как внутри разливается тихое, надёжное тепло. Всё, что у неё осталось в этом мире после смерти мужа, — это её мальчик. Её гордость, её воздух, её единственный смысл просыпаться по утрам.

Она проводила его до двери, перекрестила вслед, когда он сбежал по лестнице вниз, и ещё не знала, что через три часа в её кармане зазвонит телефон с незнакомым номером областной больницы — и привычный мир рухнет в один миг.

Глава 2. Чужая группа крови

Звонок застал Веру на подстанции скорой помощи, когда она заполняла карты вызовов после утреннего выезда. На экране старенького смартфона высветился незнакомый городской номер с кодом областного центра.

— Савинова Вера Николаевна? — мужской голос в трубке звучал сдержанно, профессионально, но в самой его интонации было то особое напряжение, которое Вера, проработавшая в медицине семнадцать лет, узнавала с первой секунды. — Вас беспокоит заведующий отделением гематологии и трансплантации областной клинической больницы Андрей Викторович Громов. Вашего сына Артёма доставили к нам на реанимобиле из школы двадцать минут назад.

Ручка выпала из пальцев Веры и покатилась по столу, оставив длинную синюю черту на бланке. Сердце ударило в горло так, что на мгновение потемнело в глазах.

— Что с ним?! Машина сбила?! — выдохнула она, вцепляясь в край стола побелевшими пальцами.

— Успокойтесь, пожалуйста, аварии не было, — быстро и твёрдо ответил врач. — На уроке физкультуры у мальчика началось острое носовое кровотечение, которое не смогли остановить в школьном медпункте, затем он потерял сознание. Районная больница передала его сразу нам, по санавиации. Сейчас он в палате интенсивной терапии, состояние стабилизировали, но нам нужно, чтобы вы приехали как можно скорее.

Вера не помнила, как отпросилась у старшего фельдшера, как бежала на автовокзал, как полтора часа в душной маршрутке шептала про себя одну и ту же молитву, глядя на мелькающие за запотевшим стеклом голые придорожные берёзы. Ей казалось, что это дурной сон: ещё утром Артём смеялся на кухне, ел горячие сырники, обещал принести картошки с рынка — здоровый, крепкий, высокий парень.

В ординаторской областной больницы пахло антисептиком и крепким чёрным кофе. Андрей Викторович Громов оказался высоким мужчиной лет сорока четырёх, с ранней проседью на висках, усталыми тёмными глазами и спокойными, уверенными движениями человека, привыкшего каждый день держать в руках чужие жизни.

Он усадил Веру в кресло, налил ей стакан воды и без лишних предисловий, как коллеге, положил перед ней распечатку развёрнутого анализа крови.

— Вера Николаевна, вы медик, поэтому говорить буду прямо, — тихо произнёс Громов, глядя ей прямо в глаза. — У Артёма острая форма апластической анемии. Костный мозг перестал вырабатывать нужные клетки крови. Болезнь коварная: она могла развиваться скрыто несколько месяцев, а нагрузка на физкультуре стала спусковым крючком.

— Как… лечить? Переливание? Химия? — голос Веры дрожал, но она заставляла себя держать спину прямо.

— На первом этапе — поддерживающая терапия и препараты, но радикально спасёт только трансплантация костного мозга, — Андрей Викторович сделал короткую паузу. — Чем быстрее найдём совместимого донора, тем выше шансы на полное выздоровление. В первую очередь мы проверяем ближайших кровных родственников. У Артёма есть родные братья или сёстры?

— Нет, он у меня один, — Вера прижала ладони к груди. — Муж умер три года назад. Берите мою кровь прямо сейчас, Андрей Викторович! Я подойду, я полностью здорова, я всё отдам!

Кровь у неё взяли через десять минут. Потом потянулись четыре бесконечных часа в больничном коридоре напротив реанимации. Вера сидела на жёстком пластиковом стуле, глядя на закрытую матовую дверь, за которой на узкой больничной койке лежал бледный, непри-

вычно тихий Артём. Она заходила к нему всего на пять минут — он слабо улыбнулся ей и прошептал: «Мам, ты только не плачь, я правда не нарочно…»

В шестом часу вечера дверь ординаторской открылась, и вышел Громов. В руках он держал два листа с результатами типирования. Выражение его лица изменилось — теперь в нём была не только врачебная сосредоточенность, но и странная, тяжёлая растерянность.

— Вера Николаевна, зайдите ко мне, пожалуйста. Нам нужно поговорить наедине.

Когда дверь за ней закрылась, Андрей Викторович подошёл к окну, за которым уже сгустились синие ноябрьские сумерки, помолчал несколько секунд, подбирая слова, и повернулся к ней.

— Скажите честно, Вера Николаевна… Артём ваш родной сын? Вы не усыновляли его?

Вера замерла, не понимая смысла вопроса. Потом нахмурилась, подумав, что врач просто ошибся бумагами.

— Что вы такое говорите? Я сама его рожала! В нашем Приозерском роддоме, семнадцатого ноября две тысячи одиннадцатого года. Там ещё пожар в ту ночь случился, весь город помнит. Почему вы спрашиваете?

Громов медленно положил перед ней оба бланка и обвёл ручкой две строчки внизу таблицы.

— Посмотрите на фенотип и маркеры гистосовместимости. У вас первая группа крови, у вашего покойного супруга, судя по карте, которую прислали из района, тоже была первая. У двух родителей с первой группой крови не может родиться ребёнок с третьей группой, Вера Николаевна. И по генетическим локусам совпадение нулевое.

В кабинете стало так тихо, что было слышно, как тикают настенные часы над шкафом с медикаментами.

— Это ошибка лаборатории, — глухо произнесла Вера, чувствуя, как ледяной холод поднимается от кончиков пальцев к самому сердцу. — Перепутали пробирки. Переделайте анализ.

— Я сам перепроверил дважды, — тихо, с искренним сочувствием ответил Андрей Викторович. — Ошибки нет, Вера Николаевна. По крови вы с Артёмом чужие люди. Но сейчас для нас это не просто семейная загадка — нам жизненно необходимо найти его биологических родителей или родного брата. От этого зависит, успеем ли мы спасти мальчика.

Глава 3. Письмо из прошлого

Из областной больницы Вера возвращалась в Приозерск поздним вечером, на последней проходящей маршрутке. За тёмным стеклом мелькали редкие фонари трассы, в салоне пахло мокрой шерстью и бензином, а в голове у Веры пульсировала только одна фраза доктора Громова: «По крови вы с Артёмом чужие люди».

Она сжимала в кармане пальто сложенные вчетверо листы с результатами типирования. Девятнадцать лет безупречной работы фельдшером научили её доверять анализам, но всё её материнское существо кричало, что этого не может быть. Она помнила каждую минуту тех тяжёлых ноябрьских родов пятнадцать лет назад. Помнила, как замигал и погас свет, как в палату потянул едкий дым из коридора, как её на носилках спускали во флигель приёмного покоя. Помнила, как утром ей принесли тёплый свёрток с клеёнчатой биркой «Савинова» на запястье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.